
СПИСАННЫЕ
Закончилось наказание.
Начался эксперимент.

Varpunen

СПИСАННЫЕ

«Автор»
2026

Varpunen

СПИСАННЫЕ / Varpunen — «Автор», 2026

Восемьдесят три смерти за три года. Сотрудник областной прокуратуры Александр Воронов приезжает в заснеженный Северогорск, чтобы проверить жалобы родственников умерших заключённых. Начальник колонии приветлив, объяснения кажутся убедительными. Но один документ не даёт Воронову покоя: он подписан заключённым через семь дней после его смерти.Вскоре Александр встречает человека, который по официальным документам умер пять месяцев назад. Следы ведут к элитному загородному клубу, где за роскошью и обещаниями спасения человеческих жизней скрывается тщательно охраняемая тайна.Когда обычная служебная проверка превращается в борьбу за чужие жизни, Воронову приходится заново решать, кому верить и чем он готов рискнуть ради правды. Как защитить тех, кого для закона больше не существует?

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Восемьдесят три смерти 5
Глава II. Белая яма 9
Глава III. Земля для мёртвых 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Varpunen
СПИСАННЫЕ

Глава I. Восемьдесят три смерти

Будильник прозвонил в семь. Александр выключил его, не дожидаясь второй трели. За окном едва светлело; на крыше соседней девятиэтажки снег был серым, как застывший раствор. В трубе у изголовья булькала вода. Он лежал, слушал этот звук и подсчитывал, сколько осталось до субботы. В четверг такой подсчёт уже имел смысл.

На кухне осталась одна чистая чашка. Другую, с надписью «Лучший папа», он задвинул в глубину буфета. Даша подарила её, когда ей было шесть. Теперь девочке исполнилось двенадцать, она жила с матерью в другом городе и присылала ему фотографии рыжего кота чаще, чем собственные. Вчера спросила, придёт ли он на школьный концерт. Александр написал: «Постараюсь». Дочь ответила не сразу. «Ты всегда стараешься, пап».

Он выпил кофе стоя, обжёг язык, долго искал ключи и обнаружил их в кармане вчерашних брюк. У зеркала поправил воротник. Седины за зиму прибавилось, хотя ни одного особенно тревожного дня он припомнить не мог. На полке лежала детская перчатка, которую Даша забыла в декабре. Александр отодвинул её, чтобы положить ключи, и тут же передумал: ключи понадобятся через минуту, а за перчаткой никто не приедет.

В областной прокуратуре Воронов служил шестнадцатый год. Когда-то он приходил раньше уборщицы, и она, ворча, отдавала ему ключ. Теперь они почти всегда встречались у выхода.

В канцелярии пахло бумагой, мокрыми пальто и дешёвым мылом. На его столе лежали три жалобы, знакомые до последней запятой: человек не согласен с ответом на предыдущее обращение, учреждение нарушений не усматривает, заявитель просит разобраться. За окном дворник соскребал наледь с крыльца.

Три года назад у Александра был другой кабинет и дело о махинациях с муниципальной собственностью. Бухгалтер Зотов приносил копии договоров в бумажном пакете из булочной. Рядом с датами и суммами расплывались жирные пятна от пирожков: по дороге он покупал их сыну. Воронов уверил Зотова, что теперь можно не бояться. Через месяц бухгалтера уволили. Семья продала квартиру, сам он отказался от показаний. Договоры остались, но дело заглохло: следовало доказать не только то, что в них содержалось, но и откуда они взялись.

Александр тогда пытался жаловаться на собственное руководство. Удержался на работе благодаря Константину Михайловичу Орлову, своему бывшему начальнику, теперь заместителю областного прокурора. Орлов при нём снял трубку и попросил не готовить представление об увольнении. Затем передал Александру стакан воды: заметил, что у того дрожат пальцы. На улице Воронов купил пачку сигарет, хотя не курил уже полгода. Из неё так и не вынул ни одной.

Воронов перестал давать обещания свидетелям. В нижнем ящике стола всё ещё лежал старый пакет с надписью «Хлеб». Он несколько раз собирался его выбросить, но каждый раз находил что-нибудь более срочное.

В половине десятого позвонила секретарь Орлова. Константин Михайлович сидел у окна, в белой рубашке с расстёгнутым воротником. Он снял очки, указал на кресло и спросил, как Даша. Александр удивился: наставник помнил даже название пьесы, которую девочка разучивала осенью. На своём телефоне Воронов давно потерял сообщение, где она об этом рассказывала.

— Слушай, Саш. Есть одна неприятная история. Семнадцатая колония, Северогорск.

Орлов подвинул серую папку. В ней лежало коллективное обращение: восемь подписей, таблица с фамилиями и плохо отсканированные ответы. На одном листе кто-то от руки приписал: «Прошу сообщить, где мой ребёнок». Почерк был неровный, последняя буква ушла за край страницы.

Из управления исполнения наказаний запросили сводку. За три года — восемьдесят три смерти. Списочная численность осуждённых по годам к сводке не прилагалась; делать вывод о смертности по одной цифре было рано. Однако в обращении перечислялись конкретные случаи, и по каждому можно было затребовать медицинские документы, сведения о погребении и уведомлении семьи. Этим и предстояло заняться.

Александр пролистал распоряжение.

— Почему я?

— Потому что ты умеешь читать то, что написано мелким шрифтом. И тебе полезно проветриться. Давно уже сидишь здесь, как мебель.

Орлов произнёс это добродушно. В другой ситуации Александр, вероятно, обиделся бы.

Они обсудили сроки. На первую неделю ему выделили командировочные, разрешили использовать служебную машину и продлить пребывание, если возникнет необходимость. В Северогорской прокуратуре его ждали. Территориальное управление было уведомлено о проверке, колония обязана предоставить материалы, относящиеся к обращению. Договорились, что он выедет до полудня: триста десять километров по зимнему шоссе могли занять большую часть дня.

Орлов попросил звонить каждый вечер, даже если сообщать будет нечего: в командировках полезно держать связь. Затем спросил о Зотове. Александр покачал головой. Бухгалтер сменил номер; даже Марина Крылова, журналистка, помогавшая разобраться в договорах, потеряла его после переезда. Орлов похвалил её профессиональное чутьё, но посоветовал не привлекать прессу, пока нет ясности. Александр с ним согласился.

— Не надо себя до конца жизни наказывать, — сказал Орлов. — Тебя же не за то взяли на службу, чтобы ты кого-нибудь спасал один.

Пятнадцать лет назад, после первого серьёзного промаха Александра, Орлов налил ему чаю в рюмку: других чистых стаканов в кабинете не нашлось. Сам пил из такой же. Они сидели друг напротив друга, держа рюмки за ножки, и Воронов, которому прежде хотелось провалиться сквозь землю, рассмеялся. С той поры в трудные минуты он звонил Орлову.

Из кабинета он вышел с серой папкой под мышкой. В коридоре секретарь предложила ему взять конфету из вазочки; Александр взял две, машинально сунув одну в карман для Даши. Только у лестницы вспомнил, что в ближайшие дни не увидит её.

Выезд занял больше времени, чем ожидалось. Утром пришло сообщение о снегопаде, дорожники просили водителей не торопиться. Александр заехал домой за сумкой, положил туда пару рубашек, шерстяной свитер, зарядку, аптечку и книгу, которую возил с собой уже третий месяц. Даше послал голосовое сообщение о командировке. Выступление было через три недели, и на этот раз он пообещал приехать.

Первые километры дорога тянулась между складами и автомобильными салонами. Потом начались леса, редкие заправки и посёлки с заколоченными окнами. В одном месте над деревьями поднялась ржавая труба бывшего целлюлозного комбината, вокруг которого когда-то строили целые кварталы. На обочине продавали берёзовые дрова, рядом стояло объявление о покупке квартир за наличные. Александр вспомнил, что в Северогорске осталось меньше тридцати тысяч жителей, а прежде, по справке в деле, район кормил почти всю область лесом.

Через два часа он выключил радио. В тишине стали слышны шорох шин, урчание печки и удары снежной каши по днищу. Горизонт исчез; лес подступил к самой дороге. У закрытого кафе женщина с хозяйственной сумкой подняла руку, ошибочно приняв его машину за марш-

рутку. Александр сбавил скорость, но следом шёл грузовик, и он проехал мимо. Потом ещё долго видел в зеркале пустую дорогу, на которой осталась женщина.

На заправке с выцветшей вывеской Александр взял кофе. У кассы двое мужчин в безукоризненно чистых зимних куртках разговаривали о задержке рейса и о том, что им всё равно придётся ждать до вечера. Водитель одного из чёрных внедорожников держал металлический термос с царапиной на боку. Машины резко выделялись среди заснеженных фургонов и старых легковушек.

Воронов задержался у двери, натягивая перчатки. Одна машина тронулась; правый задний фонарь был треснут, на пластике не хватало маленького красного уголка. Он подумал, что с таким автомобилем, стоившим, наверное, как его квартира, можно было бы позволить себе и новый фонарь.

Минут через двадцать оба внедорожника обогнали его на подъёме. Вскоре их указатели поворота мигнули у хорошо расчищенного съезда. На сером каменном столбе красовалась надпись «Эдельвейс», а ниже — маленький рисунок горного цветка. До гор здесь было далеко. Дорога за столбом выглядела лучше основной трассы.

Александр проехал мимо. Наверное, охотничьи угодья или дорогая турбаза. В местах, где названия заведений ничего не говорили о географии, ему доводилось бывать и прежде. Только здесь, у предыдущей деревни, автобусную остановку соорудили из ржавого кузова грузовика, а на съезд к клубу, судя по всему, выделили отдельную снегоуборочную машину.

В Северогорск он въехал в сумерках. На главной площади горела гирлянда, оставшаяся с Нового года, и возле закрытого кинотеатра толпились подростки. Две улицы были освещены; дальше в окнах пятиэтажек пятнами проступало жёлтое электричество. У гостиницы «Северная» снег убрали только до ступенек.

Администратор, женщина с длинными серебряными серьгами, выдала ключ. Горячая вода здесь бывала с перебоями, кафе закрывалось в девять. Номер оказался небольшим: две кровати, пустой холодильник и выцветшая картина с осенними берёзами. Возле двери на линолеуме лежала горстка песка. Воронов наступил на неё, и под ботинком протяжно заскрипело.

Александр позвонил местному прокурору, договорился о встрече наутро и доложил Орлову о прибытии. Тот пожелал выспаться и спросил, не замёрз ли Воронов в «Северной». Александр не помнил, говорил ли ему название гостиницы. Скорее всего, оно было указано в командировочных документах. Орлов добавил, что Громов — опытный руководитель; начинать с конфликта нет необходимости. Воронов спросил, как дела дома. Орлов ответил, что супруга опять уговаривает его взять отпуск, и они немного посмеялись над тем, что отпуск у Константина Михайловича обычно заканчивался уже на второй день.

Из окна было видно аптеку и мужчину в рабочей одежде, который курил, рассматривая снег на рукавах. Александр достал телефон, открыл переписку с дочерью, потом убрал его. Она наверняка уже делала уроки. Он решил позвонить завтра, когда разгрузится с работой.

Он разложил бумаги на покрывале. Большая часть записей была сухой и одинаковой: дата рождения, дата прибытия, диагноз, дата смерти. Кто-то болел годами, кто-то погиб в результате несчастного случая. Были пожилые, люди с тяжёлыми хроническими заболеваниями. Имелись и случаи смерти после конфликтов. Александр не видел ничего невероятного в том, что часть людей в плохо оснащённом учреждении может умирать от причин, которые сами по себе не связаны с преступлением.

Но в коллективной жалобе повторялась одна подробность: семьи долго не могли получить внятного ответа на вопрос о телах. Напротив фамилии Белова Ильи Алексеевича стояла пометка «погребение за счёт учреждения». Мать не подтверждала, что давала на это согласие. В приложении она прислала копию письма сына — обычные просьбы о носках и фотографиях, несколько строчек о снеге. На полях неровно: «Мам, здесь нормально. Не переживай».

В сводке имелась запись о медицинском осмотре Белова. Двадцать четыре года. Жалоб не предъявляет. Существенных отклонений не зафиксировано. Александр приложил к строке линейку, чтобы не перепутать даты соседних записей. От осмотра до смерти прошло тридцать два дня. «Острая сердечная недостаточность», — значилось в выписке. На чём был основан этот вывод, предстояло выяснить.

Он обвёл фамилию карандашом. Потом, уже погасив свет, снова увидел перед собой эту короткую строку. Тридцать два дня — меньше времени, чем прошло с последней встречи с дочерью.

Глава II. Белая яма

Утром местный прокурор Климов встретил Воронова в двухэтажном кирпичном здании. Невысокий, с аккуратно обрезанными усами, он говорил так негромко, что Александру пришлось придвинуть кресло. Климов показал накопившиеся обращения, объяснил, какие ответы уже получены, а каких всё ещё ждут. На вопрос о Громове заметил, что при нём в колонии восстановили отопление. Потом добавил: жалобы имеются, конечно, и теперь.

Дорогу на Семнадцатую Александр запомнил по исчезающей связи. После последнего посёлка экран телефона показывал то одну полоску, то ни одной. Лес стоял белый от инея. За поворотом показались столбы, высокие ограждения, изломанные линии проволоки и две вышки. Колония возникла без предупреждения, как чужой город, которому не требовались ни вывески, ни улицы.

У пропускного пункта проверили удостоверение, записали время прибытия. Дежурный позвонил начальнику. Воронов ждал в тесной комнате, где на стенде висели фотографии лучших сотрудников. Сквозь толстое стекло он наблюдал, как по очищенному от снега двору идут люди в одинаковой тёмной одежде. Они двигались с такой согласованностью, словно кто-то заранее объяснил каждому, сколько места ему положено занимать.

Виктор Андреевич Громов сам вышел навстречу. Широкоплечий, седой, с мягким голосом, он пожал Воронову руку и предложил отогреться. В кабинете стояли книжный шкаф, два кресла и разросшийся фикус. На столе — жена у моря, двое молодых людей в выпускных мантиях, собака в красной попоне. Рядом лежал сборник Чехова. Громов убрал его под бумаги и признался, слегка смущаясь, что четвёртый вечер подряд засыпает на одной и той же странице.

— Вам с сахаром?

Александр отказался. Громов снял трубку, попросил подготовить затребованные материалы. О смертности заговорил сам: в северные учреждения попадает немало людей с запущенными заболеваниями; долгая темнота, малоподвижность, изоляция и конфликты не помогают. Он не жаловался на подчинённых и не ссылался на недостаток средств, пока Воронов не спросил его о медицинском обеспечении.

Воронов уточнил, что начнёт не со средних показателей, а с конкретных случаев. Громов предложил ему отдельный кабинет и попросил секретаря принести список медицинских сотрудников. Он уже приготовил и ключ; положил его на стол возле чашки. Александр снял пальто.

На стене висела грамота от городского детского спортивного клуба. Александр узнал фамилию председателя, которую видел на стенде в прокуратуре.

Они прошли через несколько внутренних постов. В жилых помещениях было тепло и душно; в воздухе смешивались запахи хозяйственного мыла и мокрой шерсти. В столовой заканчивали утреннюю уборку. В производственном цехе заключённые работали за станками, над ними ярко горели лампы, а на подоконниках стояли пластиковые стаканчики с остывшим чаем. Воронов задержался у станка, где рабочий с отсутствующей фалангой большого пальца шлифовал небольшую деревянную деталь. На вопрос, нравится ли работа, тот ответил, что хотел бы делать табуретки, а не эти проклятые ящики. Мастер засмеялся; Громов пообещал подумать о табуретках. Рабочий тоже засмеялся, но не поднял головы.

Громов рассказывал о перспективах нового контракта, ремонте отопления и нехватке врачей. О каждом участке говорил со знанием дела, здоровался с сотрудниками по именам. Когда они вышли во двор, им навстречу шагнул человек с красным от мороза лицом и тяжёлой нижней челюстью. Представился Андреем Мельниковым, заместителем начальника по безопасности. Руку пожал коротко, смотрел мимо.

Воронов спросил, как регистрируются конфликты между осуждёнными. Мельников ответил, что сотрудники не могут стоять возле каждого человека круглые сутки. Когда Александр уточнил, кто и как проверяет причины травм после применения силы, заместитель сжал губы и спросил, имеется ли уже конкретная жалоба.

— Андрей, — окликнул его Громов.

Заместитель осёкся. Начальник попросил не принимать резкость коллеги на свой счёт: работа непростая. Александр записал фамилию Мельникова. Тот повёл их дальше, остановился возле рабочего, у которого развязался шнурок, и велел надзирателю дать человеку завязать ботинок. Сделал это таким тоном, будто отдавал приказ открыть огонь.

В медицинской части было светлее, чем в остальных помещениях. На подоконнике стояли марлевые салфетки в стеклянной банке, у входа громоздились картонные коробки с изображением зелёного ромба и надписью «Вектор Био». Доктор Елена Викторовна Сафонова, женщина лет сорока с усталым лицом, встретила их у поста. Она была в чистом халате, волосы собраны, голос ровный. На вопросы отвечала осторожно, не прибегая к сложным словам без необходимости.

Накануне в учреждении умер заключённый Кулаков. Восемьдесят четвёртая смерть; в исходную сводку она ещё не попала. Тело ожидало отправки на судебно-медицинское исследование. Александр попросил предоставить материалы о происшествии и, в присутствии врача, осмотрел помещение, где находился умерший.

Сафонова предупредила, что окончательную причину смерти установит специалист. На виске и открытой части предплечья Кулакова были видны кровоподтёки. В предварительной записи упоминалось нарушение сердечной деятельности; причины его пока не установили. Александр снова посмотрел на руку умершего. В выписке о недавнем конфликте этого повреждения не значилось.

Александр попросил Сафонову отметить в записях все повреждения, которые предстояло оценить специалистам. Она не возражала. На мгновение ему показалось, что врач даже обрадовалась вопросу, но тут же снова приняла непроницаемый вид.

По словам врача, Кулаков участвовал в конфликте несколькими днями раньше, затем находился под наблюдением. У него имелось и заболевание сердца. Сафонова не стала связывать смерть ни с тем, ни с другим до получения заключения. Воронов запросил историю наблюдения, журнал обращений и материалы о конфликте. В записи врача упоминалась боль, но результатов дополнительного обследования не было. Громов распорядился представить всё, включая недостающие сведения.

В соседней комнате на кушетке сидел осуждённый с перевязанной кистью. Он проводил Громова взглядом и принялся рассматривать пол. Когда начальник вышел, Александр спросил, давно ли мужчина лечится. Тот ответил, что пришёл только сегодня. Услышав вопрос о длительном лечении других осуждённых, Сафонова перестала листать журнал.

На обратном пути санитар провёз мимо тележку с бельём; двое сотрудников обсуждали протечку трубы. У распахнутой двери подсобки человек в ватнике ловил струю воды в таз. Громов остановился и уточнил, когда придёт сантехник. Воронов дождался, пока они закончат. В колонии шла обычная жизнь, и это почему-то беспокоило его больше, чем открытая враждебность.

На стене возле выхода висела фотография коллектива санчасти. Сафонова, на несколько лет моложе, стояла в первом ряду, с бумажным цветком, приколотым к халату. Воронов узнал её по глазам. Тогда, на снимке, она смотрела прямо в объектив; за весь сегодняшний разговор ни разу не взглянула на начальника. У нижнего края снимка был выцветший год. Александр прикинул, сколько времени прошло с тех пор, и понял, что Елена работала здесь задолго до большинства смертей из его списка.

Для бесед с осуждёнными предоставили комнату, где за столом когда-то оформляли выдачу передач. Александр настоял на разговорах без присутствия администрации. Первые двое сообщили о жалобах на отопление и долгом ожидании приёма врача. Третий, худой мужчина с ожоговым шрамом на шее, отвечал односложно. Он знал Кулакова, слышал о драке, но не видел, что происходило непосредственно перед смертью.

Когда Воронов спросил, обращался ли сам мужчина в санчасть, тот чуть усмехнулся.

— Здесь главное — не попасть туда надолго.

Александр перестал писать. Мужчина поспешно объяснил, что в медицинском отделении скучно и мало прогулок. Воронов спросил, хочет ли тот официально обратиться с жалобой. Заключённый посмотрел на закрытую дверь, отказался и попросил вернуться в отряд. Александр записал только то, что услышал, и оставил возможность повторной беседы.

За обедом Громов сообщил, что в четырёх отрядах заменят окна и что областное управление обещало дополнительные средства. Он умел рассказывать о своих проблемах так, что собеседнику хотелось помочь. В какой-то момент Александр забыл, зачем приехал, и стал обсуждать с ним цены на ремонт. Заметив это, он почувствовал досаду на самого себя, хотя полдня назад подобная непринуждённость показалась бы ему признаком удачной проверки.

К вечеру принесли папки. В одних лежали обстоятельные заключения специалистов, в других — лишь выписки. Александр отметил недостающие приложения, запросил сведения о направлении тел и уведомлении родственников. Бухгалтерский перечень расходных материалов по благотворительной программе оказался подробнее некоторых медицинских записей. Даже коробки со стерильными перчатками учитывали с указанием точной даты получения.

Мельников стоял в дверях, скрестив руки. Начальник попросил его принести журнал происшествий, и заместитель резко ответил, что передал все необходимые бумаги ещё утром. Громов ничего не сказал, только посмотрел на него. Мельников вышел. Через несколько минут журнал оказался на столе.

Воронову не нравился Мельников. Однако его резкий тон и нежелание отвечать ещё не объясняли смерть Кулакова. Александр записал вопросы к журналу происшествий и оставил место для последующих ответов.

Уже у машины Александр услышал за ограждением собачий лай. Ворота закрылись с глухим, негромким звуком. В зеркале заднего вида колония постепенно исчезла за деревьями. На пустом шоссе он включил печку на полную мощность и только тогда понял, что промёрз до костей.

В гостинице Воронов заварил чай в стакане и составил краткую служебную записку. Отдельно выписал травмы Кулакова и недостающие сведения о захоронениях. На экране телефона высветился пропущенный звонок Даши; было уже поздно. Он написал: «Завтра обязательно наберу».

Орлов ответил не сразу. На заднем плане у него звякнула посуда, потом стало тише. Александр рассказал о Кулакове, поведении Мельникова и просьбе затребовать дополнительные материалы. Константин Михайлович согласился, что нужно дождаться исследования тела, попросил не смешивать проверку обращения с другими возможными нарушениями и уточнил, удалось ли назначить встречи с заявителями.

Александр перечислил несколько фамилий. Закончив, он не сразу убрал телефон.

— Костя, у меня такое ощущение, что здесь что-то скрывают.

— Саша, это тюрьма. Здесь всегда что-нибудь скрывают. Ты сначала выясни, имеет ли это отношение к твоей проверке.

Разговор закончился. Александр посидел в тишине, признавая про себя, что совет вполне разумен. Потом выключил настольную лампу. В темноте за стеной долго кашлял незнакомый постоялец.

Глава III. Земля для мёртвых

На третий день Климов освободил для Александра стол в своём здании. Из восьми заявителей только двое жили в районе, остальные — в других областях. Воронов сверял контакты, договаривался о разговорах, выяснял, готовы ли люди дать объяснения и прислать сохранившиеся документы. Некоторые номера уже не обслуживались.

Женщина из Поволжья плакала, хотя с гибели её брата прошло почти два года. Тело семья получила, похороны состоялись, но ей так и не объяснили, почему о смерти сообщили с большой задержкой. Мужчина из другого региона разговаривать отказался. Его отец умер в больнице; он видел документы, присутствовал на похоронах и считал, что жалобу подписал сгоряча. Ещё одна заявительница сообщила, что не смогла приехать за телом мужа, поскольку заболела сама. Ей прислали сведения о захоронении, но обещанную фотографию могилы она не получила. Воронов не стал продолжать с тем, кто отказался разговаривать. С женщиной из Поволжья он договорился вернуться к беседе, когда у неё под рукой будут документы, а не только память о похоронах.

К полудню Александр стал запинаться на собственной фамилии. Люди ждали ответов так долго, что не сразу понимали, зачем их вновь спрашивают об одном и том же. Он отметил всё, что мог проверить. Один местный заявитель согласился передать копии позже, а с Галиной Беловой Воронов договорился встретиться после её смены в школе. Один мужчина всё время извинялся, что отвечает из цеха и не может говорить громче. Когда связь прервалась, Александр набрал номер ещё раз, но больше не дозвонился.

Посёлок Сосновый находился в стороне от основной трассы. К нему вела узкая дорога, по которой в тот день двигался автобус с облупившейся зелёной полосой. Воронов пропустил его на повороте и остановился у деревянного дома с чисто выметенным крыльцом. Галина Белова открыла дверь почти сразу, будто давно ждала у окна.

Галина оказалась небольшой, коротко стриженной женщиной с красными от холода руками. Она убирала кабинеты в поселковой школе и только что вернулась домой. На кухне стояли банки с вареньем, возле печи сушились варежки. Галина достала папку, в которой каждый лист был вложен в прозрачный файл. В сенях на гвозде висели мужские рабочие рукавицы. Ильины, объяснила она. В них удобно колоть щепу для печи.

Илья родился в Сосновом. После школы учился в городе, бросил техникум, подрабатывал ремонтом машин, потом стал перепродавать краденое. Мать не оспаривала приговор. На свидании сын однажды попросил её больше не привозить пирожки: в отряде над ним смеялись. После этого Галина готовила передачи так, чтобы выпечка не лежала на виду. Александр подумал было, что она не представляла, что происходит с сыном за стенами колонии. Но едва не сказал это вслух и вовремя остановился.

Александр заметил на дверном косяке карандашные отметки роста. Последняя была сделана много лет назад. В комнате за дверью на полке лежал футбольный мяч с выцветшей подписью. Галина поймала его взгляд и сказала, что Илья однажды принёс мяч с сельского турнира, гордый, будто выиграл чемпионат мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.